

СЕРИЯ РОЗА ВЕТРОВ ❁

ЛИЗА СИ
СНЕЖНЫЙ
ЦВЕТок
И
ЗАВЕТНЫЙ
ВЕР

АРКАДИЯ
Санкт-Петербург
2018

УДК 821.111
ББК 83.3 (7)
С 34

Lisa See
SNOW FLOWER
AND THE SECRET FAN

Перевела с английского
Татьяна Жданова

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Ирина Бабушкина

Печатается с разрешения *Sandra Dijkstra Literary Agency*

Издательство выражает благодарность
литературному агентству *Synopsis*
за содействие в приобретении прав

Сн Л.

С34 Снежный цветок и заветный веер : [роман] / Лиза Си;
[пер. с англ. Т. Ждановой]. — СПб. : Аркадия, 2018. —
412 с. — (Серия «Роза ветров»).

ISBN 978-5-906986-01-6

В потрясающем романе успешного автора бестселлеров Лизы Си — американки с китайскими корнями — рассказывается о судьбе и дружбе двух женщин-китаянок. Дружбе, которая родилась, окрепла и трагически оборвалась в самобытно-жестокой атмосфере Поднебесной середины XIX века.

УДК 821.111
ББК 83.3 (7)

© Lisa See, 2005
First published by Random House
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2017

ISBN 978-5-906986-01-6

ОТ АВТОРА

В этом романе я следовала традиционному китайскому стилю установления дат. Третий год правления императора Даогуана¹ — 1823-й — является годом рождения Лилии. Восстание тайпинов началось в 1851 году и закончилось в 1864-м².

Считается, что *нушу* — тайнопись, которую использовали женщины в отдаленном районе юго-восточной провинции Хунань, — появилась тысячу лет назад. Возможно, это единственный язык в мире, который был создан женщинами исключительно для себя.

¹ Даогуан (Минь Нин, Сюаньцзун) — император династии Цин. Правил с 1821 по 1850 год. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Тайпинское восстание — крупнейшая крестьянская война в Китае под руководством Хун Сюцюаня, Ян Сюцина и др. против феодального гнета и маньчжурской династии Цин. Поднятое летом 1850 года неподалеку от Цзиньтяня, провинция Гуанси, восстание сначала носило локальный характер. В мае 1852 года тайпины стали продвигаться в центральную часть страны. Повстанцы создали в долине Янцзы «Небесное государство великого благоденствия» с центром в Нанкине, переименованном в «Небесную столицу» (1853). В мае 1853 года был предпринят плохо подготовленный поход на Пекин, который через два года привел к полному поражению тайпинских войск. В последующие годы стороны по очереди добивались военных успехов, а окончательно восстание было подавлено объединенными силами цинских войск и англо-франко-американских интервентов.

ВРЕМЯ СПОКОЙНОГО СИДЕНИЯ

Я — женщина, о которой в нашей деревне говорят: «та, что еще не умерла», — вдова восьмидесяти лет. Без мужа мои годы тянутся долго. Меня больше не привлекают особые блюда, которые мне готовят Пион и другие молодые женщины в нашем доме. Я больше не предвкушаю радостных событий, так часто происходящих под этой крышей. Теперь меня интересует только прошлое. Много лет спустя я наконец-то могу рассказать о том, о чем не смела говорить раньше, когда зависела от своих родных, воспитавших меня, или от родных моего мужа, кормивших меня. Мне можно говорить о моей жизни все; мне нечего терять, и мой рассказ никого не обидит и не оскорбит.

Я достаточно стара и поэтому прекрасно знаю свои и хорошие, и плохие качества (иногда это одни и те же). Всю свою жизнь я тосковала по любви. Конечно, это неправильно, если девушка или женщина ожидает любви, но я жаждала ее, и такое несправедное желание было причиной всех невзгод, которые мне пришлось испытать. Я мечтала о том, чтобы моя мать обратила на меня внимание, чтобы она и все остальные члены семьи любили меня. Для того чтобы завоевать их любовь, я была послушной — идеальное качество для женщины — и изо всех сил стремилась делать все, что они мне поручали. Надеюсь, что они будут хотя бы добрее ко мне, я старалась оправдать их ожидания относительно меня — добиться самых маленьких пере-

бинтованных ног в нашем уезде³. Ради этого — я позволила косточкам на ступнях сломаться, и в результате мои ноги приобрели более совершенную форму.

Когда я, чувствуя, что больше не выдержу ни минуты этой боли, поливала окровавленные бинты слезами, моя мать тихонько подбадривала меня, нашептывая мне на ухо, чтобы я потерпела еще час, еще один день, еще одну неделю, и напоминала о награде, которую я получу, если буду терпеливой. Так она научила меня переносить боль — не только физическую во время бинтования ног или при родах, но и более мучительную — душевную и сердечную боль. Она также указывала мне на мои недостатки и учила, как использовать их себе во благо. В нашем уезде мы называем такой тип материнской любви *тэн ай*. Мой сын рассказал мне, что в мужском письме это пишется двумя иероглифами. Первый означает *боль*, второй — *любовь*. Это и есть материнская любовь.

Бинтование изменило не только форму моих ступней, но и мой характер, и мне кажется, что этот процесс каким-то странным образом продолжается всю мою жизнь. Он превратил меня из послушной девочки в решительную девушку, затем — из молодой женщины, беспрекословно выполнявшей требования родителей мужа, в самую влиятельную особу уезда, которая добивалась соблюдения строгих правил и обычаев деревенской жизни. К сорока годам та

³ По китайским обычаям (вошедшим в традицию во II тысячелетии), женщина должна была иметь маленькие дугообразные ножки, напоминающие по форме молодой месяц или лилию. Девушке, не обладавшей этими признаками красоты, трудно было выйти замуж. Как достигалась такая форма стопы, рассказывается в романе Лизы Си.

жесткость, с которой бинты сжимали мои «золотые лилии», проникла в мое сердце, и оно цеплялось за обиды и несправедливость так крепко, что я не могла больше прощать тех, кого любила и кто любил меня.

Мой протест выражался исключительно в виде *нушу*, тайного женского письма. Впервые это произошло, когда Снежный Цветок — моя *лаотун*, моя половинка, моя соученица и наставница в *нушу* — прислала мне веер, который лежит сейчас на моем столе, и затем вновь, когда мы встретились с ней. Но отношения со Снежным Цветком не помешали мне стать честной женой, достойной невесткой и добросовестной матерью. В тяжелые времена мое сердце было твердым, как нефрит. Я обладала способностью противостоять бедам и выносить горе. И вот я перед вами — вдова, которая спокойно сидит, как предписывает ей традиция. Теперь я понимаю, что слишком долго была слепа.

Если не считать трех ужасных месяцев пятого года правления императора Сяньфэна⁴, всю свою жизнь я провела в верхних женских комнатах. Да, я посещала дом своих родителей, даже ездила в гости к Снежному Цветку, но, тем не менее, я мало знаю о внешнем мире. Я слышала, как мужчины говорили о налогах, засухе и восстаниях, но все это было далеко от меня. Я вышивала, ткала, готовила, знала только родственников своего мужа, наших детей, внуков, правнуков и *нушу*. Мой жизненный путь был обычным для женщины: дочерние годы, годы закалывания волос, годы риса-и-соли, а теперь — годы спокойного сидения.

⁴ Сяньфэн (И Чжу, Вэньцзун) — император династии Цин. Правил с 1850 по 1861 годы.

И вот я здесь, наедине со своими мыслями и этим веером, лежащим передо мною. Когда я беру его в руки, он кажется удивительно легким, а ведь он содержит в себе записи о стольких радостных и печальных событиях. Я открываю его быстрым движением, и щелчок каждой раскрывающейся складки кажется мне стуком трепещущего сердца. Слезы воспоминаний застилают мне глаза. За последние сорок лет я перечитывала надписи на веере столько раз, что запомнила их, как детскую песенку.

Я вспоминаю тот день, когда мне вручили этот веер. Мои пальцы дрожат, когда я открываю его. Тогда верхний край веера украшала лишь простая гирлянда из листьев, а на первой складке было записано единственное послание. В то время я плохо знала *нушу*, поэтому моя Тетя прочитала мне эти строчки:

«Я знаю, что в вашем доме есть девочка с хорошим характером и обученная домоводству. Ты и я родились в один год и в один день. Не можем ли мы стать двумя половинками?»

Я смотрю на изящные линии строк и вижу не только девочку, какой Снежный Цветок была тогда, но и женщину, какой она стала, — стойкую, честную, открытую внешнему миру.

Мой взгляд скользит по складкам веера, и я вспоминаю наш оптимизм, радость, наши взаимные обещания и восхищение друг другом. Я вижу, как простая гирлянда превратилась в искусный рисунок переплетенных снежных цветков и лилий, символизирующих две наши жизни, жизни двух *лаотун*, двух половинок. Я вижу изображение луны в верхнем правом углу, льющей на нас свет. Мы должны были

стать двумя лозами с переплетенными корнями, похожими на деревья, которые уже тысячу лет растут рядом, двумя уточками-мандаринками, подружившимися на всю жизнь. На одной складке Снежный Цветок написала:

«Мы никогда не разорвем наш союз добровольно».

Но на других складках веера я вижу непонимание, обманутое доверие и окончательно закрытую дверь. Для меня любовь была драгоценностью, которой я не могла поделиться с кем-то еще, и постепенно она оторвала меня от той, кто была моей половинкой.

Я все еще учусь любви. Я думала, что понимаю ее — не только материнскую любовь, но и любовь к родителям, к мужу, к *лаотун*. Я испытывала разные типы любви — любовь-жалость, любовь-уважение, любовь-благодарность. Но, глядя на наш заветный веер с записями, сделанными Снежным Цветком и мною в течение многих лет, я понимаю, что не умела ценить самую важную любовь — глубокую и сердечную.

За последние годы я записала много историй из жизни женщин, которые никогда не учились *нушу*. Я выслушала все их горести и жалобы, несправедливости и трагедии. Я все запомнила и записала. Но если я хорошо знаю жизнь женщин, то я почти ничего не ведаю о жизни мужчин, за исключением того, что крестьянину приходится сражаться со стихиями, солдату — с врагом, а одинокому человеку — с самим собой. Оглядываясь на свою жизнь, я вижу, что она состоит из мужских и женских историй. Я — обыкновенная женщина с обычными жалобами, но внутри себя я веду жесткую, похожую на мужскую борьбу,